

ТЕОРИЯ СЛОВСОЧЕТАНИЯ: ОБНОВЛЕННАЯ ТРАДИЦИЯ (СЛОВСОЧЕТАНИЕ В АСПЕКТЕ ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ЭКСПЕРИМЕНТА)

СИГАЛ К.Я.

ТЕОРИЯ СЛОВСОЧЕТАНИЯ И РЕЧЕВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК, ИНСТИТУТ
ЯЗЫКОЗНАНИЯ.

М.; ЯРОСЛАВЛЬ: КАНЦЛЕР, 2020. – 418 С.

Ключевые слова:
словосочетание,
психолингвистический
эксперимент, метаязыковые
представления, процесс
речепорождения / процесс
порождения высказывания,
интегративная концепция
словосочетания

DOI:10.37632/PI.2020.282.5.015

Формы языка необходимо сопутствуют мысли
уже на начальной фазе ее зарождения,
образуя вместе с нею единый речемыслительный процесс.
С.Д. Кацнельсон

Проблемой лингвистики завтрашнего дня станет
экспериментальное исследование функционирования языка.
Ш. Балли

Монография К.Я. Сигала посвящена постижению и осмыслению словосочетания как единицы языка и речи – как реальной лингвистической и психолингвистической единицы. Автор в деталях реконструирует «проблему словосочетания», его внимание привлекают традиционно дискуссионные вопросы и моменты новые, которые не были предметом специального рассмотрения. Принципиальная новизна исследования заключается в применении методик психолингвистического эксперимента для ответа на вопрос о природе, генезисе и прагматике словосочетания.

Словосочетание впервые становится героем такого масштабного монографического освещения и объектом внимательного исследовательского взгляда. Традиционный вопрос о прихотливой связи формы и значения (мысль, в отечественной лингвистике восходящая к работам А.А. Потебни) решается на психолингвистическом уровне, причем максимальный эффект (исследовательский результат) достигается благодаря сочетанию двух направлений исследования – психолингвистический эксперимент и внеэкспериментальная деятельность (анализ живых речевых фактов; анализ художественного текста¹).

¹ Метод интроспекции обнаруживает по-настоящему объективный характер, поскольку выводы основаны на многолетних наблюдениях автора за синтаксической организацией связной речи.

С одной стороны, рецензируемое сочинение, посвященное исследованию *структуры мысли*, – это логическое продолжение и интерпретация мыслей предшественников в области лингвистики (А.А. Потебня, И.А. Бодуэн де Куртене, Д.Н. Овсянко-Куликовский, А.А. Шахматов, Л.В. Щерба, В.В. Виноградов, В.П. Сухотин, Н.Н. Прокопович, В.Н. Перетрухин, В.И. Фурашов, П.А. Лекант, Е.С. Кукрякова, С.Г. Тер-Минасова и др.)², психолингвистики (Н.И. Жинкин, А.А. Леонтьев, А.М. Шахнарович, Е.Ф. Тарасов), психологии (Л.С. Выготский, А.Р. Лурия, Л.И. Божович, И.А. Зимняя), с другой – развитие, углубление и уточнение собственных синтаксических идей, высказанных в предыдущих работах (2004, 2006, 2010, 2012).

Внимание автора в первую очередь привлекают те моменты, которые не были предметом специального рассмотрения (к примеру, роль детерминируемого компонента в лексической структуре словосочетания). Вместе с тем без решения главного вопроса невозможно решить производные, и первая глава «О природе словосочетания (теория и эксперимент)» посвящена доказательству принципиальной мысли – о словосочетании как самостоятельной единице языка и речи, как самостоятельной единице синтаксиса, в существовании которой сомневались лингвисты-скептики (А.М. Ломов, Ю.В. Фоменко и др.). Проблема рассматривается в щербовском триединстве: языковая система, языковой материал и речевая деятельность, в чем и заключается абсолютная новизна подхода – соединение теории словосочетания с мыслью о человеке.

Центральным направлением исследования является экспериментальная деятельность по изучению процесса порождения высказывания, ключевой структурно-смысловой единицей которого является словосочетание. Доказательству этого тезиса в различных вариантах и с применением различных методик К.Я. Сигал посвящает свое научное внимание, результатом этой научно-исследовательской экспериментальной работы становятся теоретические положения, опирающиеся на материалы нескольких психолингвистических экспериментов.

Замысел автора находит воплощение в структуре монографии, основное содержание которой отражено в 15 главах, так или иначе

связанных с методикой экспериментального исследования. Результатом становится объемное рассмотрение предмета и доказательство центральной мысли исследования: «Словосочетание – это не только и даже не столько лингвистический конструктор, сколько реальный факт языковой действительности и языкового сознания» (с. 164).

Как показывает К.Я. Сигал на материале первых двух описанных в монографии психолингвистических экспериментов, метаязыкового внимания носителя языка удостоивается не только слово, но и словосочетание, формирование которого находится в переходной зоне между внутренней и внешней речью, между сознанием и бессознательным – «у порога сознания», по тонкому наблюдению Д.Н. Овсянко-Куликовского (цит. по: К.Я. Сигал, с. 75): «Поставленный эксперимент показывает, что словосочетание является реальной психолингвистической единицей, поскольку оно осознается обычными взрослыми носителями языка, – т.е. лицами, не имеющими профессиональных знаний в области лингвистики» (с. 63).

Экспериментальным путем было выявлено прототипическое для русского языка словосочетание – N + Adj.³ Такое предпочтение носителей языка объясняется, как пишет К.Я. Сигал, способностью модели в рамках синтаксической связи согласования (по материалам эксперимента – самой частотной, с. 62) выражать единственный тип смысловых отношений (т.е. лишенный элементов синкретизма) и вариативностью, многообразием субстантивных и адъективных словоформ вне зависимости от их лексико-грамматического статуса (с. 374–375). В результате именно она будет избрана автором в качестве материала для нескольких экспериментов (главы 2, 3, 6, 11–13, 15).

Проведенный эксперимент выявил также представление о классическом, эталонном словосочетании: в коллективном языковом сознании термин *словосочетание* оказался закреплён за подчинительными сочетаниями слов – 82,8% реакций (с. 64).

Доказательству мысли о принадлежности словосочетания к сфере психолингвистических единиц, посвящена глава 2, в которой исследуется *наивная* метаязыковая рефлексия над синтаксисом (*внеэкспериментальные условия изучения проблемы*). Для анализа методом сплошной выборки было выделено 40 контекстов с ключевым словом *словосочетание*

² К.Я. Сигал активизирует в научном обороте имена таких исследователей, как Е.В. Кротевич, А.Н. Печников, К.И. Мишина, М.И. Задорожный и других, чьи работы дали новые идеи и обогатили теорию словосочетания.

³ В заключительной главе (глава 15 «О речевой феноменологии словосочетания (наблюдения и заметки)») прототип словосочетания будет представлен на фоне прототипического слова.

(с возможными вариативными заменами *выражение, слово, термин, лексикон, словарный запас*), например: В их словарном запасе **СЛОВСОЧЕТАНИЕ** «*политическая власть*» заменено на **ТЕРМИН** «*рыночная капитализация*». Выводы, к которым приходит автор исследования в результате анализа экспериментальных данных: «Рядовые носители языка в своей речепорождающей деятельности то и дело обращают метаязыковое внимание именно на словосочетание в его целостности, а металексема⁴ *словосочетание*, референция которой направлена на то или иное употребленное словосочетание, вовсе не так уж раритетна в их повседневной речи» (с. 114).

Своеобразным подтверждением такого итога и еще одним вариантом доказательства метаязыкового осознания словосочетания носителями языка могут стать метаязыковые стихийно-лингвистические наблюдения М. Цветаевой: «Ведь словарь – не просто порядок слов. Сочетание «гоголевский период» мы узнаем прежде, чем уловим смысл каждого из этих двух слов» [7]. В воспринимающем сознании не происходит «пословного» перевода: степень спаянности слов в словосочетании может быть разной, однако она существует, благодаря ей словосочетание выходит на новый уровень обобщения знаний о мире. Таким образом, соединение слов как носителей определенного смысла в составе словосочетания подчиняется общим *правилам сложения смыслов*, сформулированным Л.В. Щербой, которому, по замечанию К.Я. Сигала, «принадлежит немало проницательных психолингвистических наблюдений» (с. 111): «Имею в виду здесь не только правила синтаксиса, но, что гораздо важнее, *правила сложения смыслов, дающие не сумму смыслов, а новые смыслы...*» [8: 24]. (Выделено нами. – М.М.).

Суть словосочетания заключается в определенной связанности и взаимообусловленности составляющих его компонентов и образующих структурно-семантическое единство нового уровня по сравнению со словом. Под этим

⁴ *Металексема* – авторский термин, введение которого обосновано тем, что, в отличие от четкого понятия, закрепленного в лингвистических работах за термином *словосочетание*, «общая совокупность употреблений метаязыковой номинации «словосочетание» в контекстах связной речи, напротив, обнаруживает понятийную диффузность и тенденцию к изолированности от терминологического поля синтаксиса. Вследствие этого назвать метаязыковую номинацию «словосочетание» в речевой деятельности рядовых носителей языка термином вряд ли было бы правильно. Возможно, более подходящим наименованием здесь может стать не столько «термин», сколько «металексема» (с. 93–94).

углом зрения в монографии осуществляется и выбор термина для обозначения единиц, образующих словосочетание, – *компоненты* или *слова-компоненты* (не слова!). Следовательно, акцент делается на смысловом и функциональном «преображении» слова в составе единицы нового синтаксического уровня.

В монографии К.Я. Сигала словосочетание исследуется в системе оппозиций (слово <–> словосочетание, словосочетание <–> предложение, словосочетание <–> текст) как структурный элемент общего речемыслительного процесса, в котором оказываются задействованы различные механизмы трансформации – компрессия-«свертка» (глава 8 «Дислокационно-компрессивная метонимия в сфере субстантивно-адъективных словосочетаний») или интеграция мысли (глава 9 «Об интеграции словосочетания»). Автор переходит от уровня к уровню: от слова к предложению, от предложения к слову, доказывая существование такой значимой единицы синтаксической системы, как словосочетание, и следуя принципу: «Когда говорится, что данный элемент языка (короткий или протяженный) обладает значением, то под этим подразумевается способность, которой данный элемент обладает как означающее, образовать единицу, ограниченную от других единиц языка и *опознаваемую носителем данного языка*, т.е. тем, для кого этот язык является единственным» [2: 137]. (Выделено нами. – М.М.). Направления изучения словосочетания чередуются, что дает возможность увидеть разные стороны такого синтаксического феномена, как словосочетание: расчленение крупной единицы (предложение, текст) для выявления формальной структуры и обратная операция – для восстановления значения (синтез).

В зоне пристального авторского внимания – процесс речепорождения, или «всплывающие компоненты высказывания» (А.Р. Лурия): автоматизм или осознанный выбор? Выясняется, что в процессе «сборки» элементов для выражения мысли говорящим осознается только часть, многое существует на уровне интуиции и автоматизма. Особенно интересно, если речь идет о близких, синонимичных вариантах (глава 11 «Прагматическая ценность синтаксических синонимов (на материале атрибутивных словосочетаний)»).

Художественный текст предполагает осознанный, более того – пристрастный выбор, следовательно, это еще один уровень исследования и своеобразный эксперимент (глава 11 «Прагматическая ценность синтаксических синонимов»). Рассказ А.П. Чехова «Тина» попадает в поле зрения К.Я. Сигала благодаря

любопытному варьированию-чередованию в тексте синонимичных словосочетаний разных моделей – N + Adj. (*жасминный запах*) и N + N2 (*запах жасмина*), играющих ключевую роль в понимании смысла произведения. Исследователь «вскрывает» основания для предпочтений, описывает механизм синестезии, изучает сенсорные образы, и оказывается, что выбор модели связан с композиционно-речевой организацией рассказа: на уровне микротекста выбор писателя кажется произвольным, стихийным, однако примеры, рассмотренные в перспективе целого текста, позволяют увидеть закономерность и продуманность решений. К.Я. Сигал так описывает прагматический механизм выбора: «Желая включить в свою речь синтаксическое обозначение того или иного предметного отношения и дать ему тем самым определенную интерпретацию, говорящий/пишущий как бы «сличает» данную смысловую структуру с типом контекста и релевантными конструктивно-синтаксическими и текстовыми факторами, способствующими предпочтению одной из синонимичных синтаксических конструкций, и выбирает конкретную синтаксическую единицу» (с. 315).

На этом основании делается более общий вывод: «Словосочетание генетически привязано к дискурсу» (с. 383). Причем выбор, в той или иной степени автоматизированный, осуществляет любой говорящий/пишущий: «Чем выше прагматическая ценность каждого из синтаксических синонимов, тем более автоматизирован их выбор, и, наоборот, чем ниже прагматическая ценность каждого из синтаксических синонимов, тем более велика роль сознательного выбора при их употреблении в речи» (с. 315).

К.Я. Сигал предлагает оригинальный взгляд на явление синонимии – *широкий*, комплексный, сочетающий два подхода к проблеме выбора одного из них в конкретной речевой ситуации: «...Одно и то же языковое явление в психолингвистике и лингвистической прагматике должно рассматриваться по-разному: в первой – со стороны его психологического механизма и сигнификации актуального для говорящего/пишущего (и, возможно, для адресата) смысла, во второй – с точки зрения того, как осуществляется выбор одной языковой единицы вместо (или наряду с) другой и с какими контекстно-деятельностными факторами и условиями он связан. Однако эти аспекты, по-видимому, могут быть объединены в рамках более широкого подхода к предмету психолингвистики (ср., например, теорию речевой деятельности А.А. Леонтьева и Московской психолингвистической школы), при котором

речевая деятельность человека трактуется не как абсолютно бессознательная и бесконтрольная и при котором, наоборот, допускается наличие особых прагматических «фильтров» на каждой из осуществляемых человеком речемыслительных операций» (с. 297).

Ценностно-прагматической необходимостью объясняется существование в речи синонимических отношений между словом и словосочетанием, словосочетанием и единицами коммуникативного уровня. К.Я. Сигал исследует возможности преобразований и степень «произвола» говорящего/пишущего в трансформации и обратной трансформации при взаимодействии, например, в формате «словосочетание – сложное слово».

Интересен анализ примеров словосочетаний, которые говорящими начинают восприниматься как сложное слово, когда в языковом сознании «сочетание понятий преобразовалось в единое понятие» (с. 271): *чай пить* (*чай-пить* → *почайпить*) и *памятник Пушкина* (М. Цветаева: *Памятник-Пушкина, до Памятник-Пушкина, сын Памятник-Пушкина, к Памятник-Пушкину*⁵) (с. 269–274).

Развивая идею И.А. Зимней о монолитном представлении, или образе, применительно к проблеме словосочетания, автор приходит к выводу, что «в оперативной памяти адресата свободное словосочетание остается в виде образа, который лишен жесткой «привязки» к речевой форме этого свободного словосочетания» (с. 280–281). Рядовой носитель языка не мыслит абстракциями, например, слово *стол* вызывает образ конкретного стола, когда каждый видит *свой* стол: письменный, заваленный книгами; обеденный – с вязаной кружевной скатертью; чайный столик на тонких ножках или спортивный стол для игры в пинг-понг и т.д.

Язык в виде структурных схем предоставляет возможности для оформления мысли в компрессивном или развернутом виде – творческая энергия говорящего адаптирует форму под новое содержание. Так, в противовес стремительности и краткости существует тенденция к усложнению формы: неразвернутая модель предложения (одно- или двухкомпонентная основа) встречается редко, общепринято – развернутая, что объясняется большей информативной ценностью развернутых структур (с. 30).

⁵ Ср. также распространенное в разговорной речи (особенно в детской) изменение словосочетания *день рождения* по модели сложного слова: *на твоём день рождения, к твоему день рождению* и т.д. при пересмыслении исходной формы как формы существительного среднего рода – *день рождение*.

К.Я. Сигал исследует и описывает тонкие переходы от «мысли» к внешней форме, от структурных схем к их конкретной реализации (от языка к речи), и в этом процессе играет роль не просто деятельностное, но творческое, креативное сознание человека. «При-сваивая» (по выражению Э. Бенвениста) язык, его носитель и распоряжается им всякий раз по-своему, следовательно, механизмы создания и воспроизведения сочетаются, чередуются, дополняют друг друга. В частности, свободные словосочетания составляются в речи, а не воспроизводятся⁶. Ср. индивидуальные и неожиданные комбинации, полученные от испытуемых: *солнечный пруд, русалочный пруд, рыбная река, неимверный океан* и т.д. (глава 12 «Экспериментальное исследование лексической структуры словосочетания»).

В результате анализа экспериментальных данных о стратегии, выбранной испытуемыми, – придумывания (произведения) или стратегии припоминания (воспроизведения), сформулирован важный тезис о *переходной*, синкретичной сущности такой синтаксической единицы, как словосочетание.

В результате анализа данных экспериментальных исследований и критического анализа положений двух сложившихся в отечественной лингвистике концепций словосочетания – номинативной и синтаксической – К.Я. Сигал выдвигает новую – интегративную концепцию, таким образом не противопоставляя две предыдущие, но соединяя их, рассматривая природу словосочетания в психолингвистическом ракурсе – как двуединую сущность (двойственность природы словосочетания), в своем многообразии обнаруживающего непрерывную цепь переходов от максимальной фразеологизированности и близости слову до максимальной свободы, проявляющейся в непредсказуемости и неисчерпаемости комбинаций: «Речетворческие механизмы в области словосочетаний едины для всех носителей языка, не являются достоянием только писателей, поэтому в любом идиолекте или семейном микродиалекте, равно как и в идиостиле любого художника слова, встречаются интереснейшие новообразования, отражающие производство словосочетаний с интенциональной ориентацией на ту

или иную продуктивную структурную схему (модель)» (с. 42).

В этой цепочке переходов между свободным словосочетанием и несвободным воспроизводимым (фразеологизм) особое место принадлежит *прецедентному словосочетанию*, исследованию генезиса и прагматики которого в работе К.Я. Сигала посвящена глава 14.

Как одну конструктивную особенность текста рецензируемой монографии необходимо отметить его *плотность*, т.е. смысловую насыщенность, для которой объем – 418 страниц – оказывается не слишком велик. Каждая глава посвящена определенному вопросу, являющемуся одной из граней проблемы словосочетания, вместе с тем в каждой главе рассматриваются и решаются параллельные и смежные проблемы, предлагаются ответы на спорные вопросы, выдвигаются новые гипотезы, отмечается связь с практикой преподавания языка, практикой пунктуационного оформления и т.д. Научному стилю К.Я. Сигала свойственна своеобразная «многоходовость», т.е. при решении основного вопроса освещаются сопутствующие проблемы. Примеры как результат многолетнего «собирания», составившие уникальную коллекцию автора, интереснейшим образом группируются/организуются в ходе анализа речевого материала и проведения экспериментальных исследований.

Остановимся на отдельных моментах монографии, выбор которых в данном случае определяется исключительно произволом (волей) рецензента и его личным синтаксическим интересом.

Проблеме сложного словосочетания посвящена глава 6 («Экспериментальное исследование речевой организации сложных словосочетаний»), в которой на материале анализа двух экспериментов предлагается теоретическое осмысление нескольких дискуссионных положений и находят обоснование две постулируемые автором мысли:

– «простота» или «сложность» словосочетания определяется количеством компонентов, но не слов, входящих в его состав: «Простота/сложность в сфере словосочетаний как синтаксических единиц докоммуникативного уровня – это только отчасти характеристика их объема, или количественного состава, поскольку словосочетания строятся не из слов (и словоформ) [...], а из вступающих в детерминативные (подчинительные) отношения компонентов, каждый из которых может иметь различное словесное наполнение» (с. 183);

– в решении вопроса о «простоте» или «сложности» словосочетания необходимо учитывать

⁶ *Свободные*, т.е. заново созданные по устойчивой, существующей в языке модели, в условиях регулярного тиражирования способны в короткие сроки переходить в разряд *воспроизводимых* сочетаний. Ср., например, словосочетания-неологизмы, появившиеся на наших глазах – весной 2020 г. и ставшие устойчивыми в современной речи: *дистантное обучение/образование и социальная дистанция*.

факт существования *переходных* случаев⁷. Классический пример, интерпретированный по-разному в лингвистических исследованиях, – словосочетание *девочка с голубыми глазами*, свидетельствующее о противоречии между структурой (это словосочетания, по словам В.Н. Перетрухина, «внешне напоминающие сложные») и семантикой (ср.: *голубоглазая девочка*): «при учете синтаксического членения этих словосочетаний в предложении-высказывании на два члена предложения, двухкомпонентной структуры синонимичных им словосочетаний (ср. *голубоглазая девочка*) и, наконец, выражения ими одного типа синтаксических отношений – атрибутивных – имеются основания считать, что эти построения стоят гораздо ближе к простым словосочетаниям» (с. 186).

Любопытный случай для анализа и истолкования представляют сложные словосочетания, созданные по модели Adj. + (Adj. + N) и находящиеся в зоне «неустойчивого равновесия», поскольку легко допускают трансформацию в другую модель – словосочетание переходного типа (Adj. + Adj.) + N. Для сравнения – два примера из монографии, иллюстрирующие подвижность границ между двумя моделями словосочетаний (с. 210): – *Ведь ты же заложил у меня ружье! – говорит тоненьким, бабьим голосом Семен* (А. Чехов) и *Михайловский встал со стула, его качнуло и он завыл высоким бабьим голосом* (В. Ардаматский). Действительно, в зоне синкретизма допустима интерпретация – так, комментирует К.Я. Сигал, «выбирая при порождении предложения высказывания модель сложного словосочетания Adj. + (Adj. + N), говорящий/пишущий намеренно маркирует семантическую неоднородность, или неодинаковость, нескольких признаков предмета» (с. 193).

Выявлению психолингвистических закономерностей речевой организации сложного словосочетания посвящены два экспериментальных исследования, результаты которых полностью подтвердили выдвинутую гипотезу – мысль о том, что когнитивно-языковая интерпретация признаков однородности или неоднородности целиком зависит от говорящего, от его коммуникативных намерений. Так, соподчиненные определения-прилагательные были рассмотрены испытуемыми и авторами художественных текстов по-разному. Смысл задания состоял в выборе одного из двух вариантов для заполнения пропуска. В примерезадании *Николка давал пить, но не холодную, витую струю из фонтана, а лил _____*,

отдающую кастрюлей автор, М.А. Булгаков, отсутствием знака между определениями хотел подчеркнуть неоднородность двух признаков (*теплую противную воду*), большинство же испытуемых (73,4%) предпочли вариант, в котором определения представляются как однородные – *теплую, противную воду* (с. 216–217)⁸.

Таким образом, с одной стороны, существует сложное словосочетание как «явление еще в большей степени синтаксическое, чем простое (бинарное) словосочетание», дающее «возможность построить развернутую дескрипцию объекта» (с. 180–181), с другой – язык предоставляет условия «свернуть» мысль до структуры простого словосочетания (прием симплификации – с. 190). Причем речевые ресурсы практически безграничны: «Прагматика может преодолевать почти любые собственно синтаксические ограничения» (с. 207). На наш взгляд, замечание К.Я. Сигала касается не только структуры словосочетания – оно более общего характера и в целом распространяется на явления, отражающие взаимоотношения «язык – речь»⁹.

Речевой материал демонстрирует творческую свободу рядовых носителей языка для выражения мысли. К.Я. Сигал приводит любопытный пример, который можно рассматривать как «отрицательный материал» (по Щербе), но можно – именно как новую организацию связи, как «синтаксическую инновацию» в результате семантического сближения с глаголами типа *говорить* (с. 27): – *Мне уже звонил об этом сам Кальтенбруннер* (В. Ардаматский). В самом деле, вопреки существующим грамматическим нормам действует разговорный, речевой принцип пропуска коммуникативно менее значимых элементов и сближение в результате эллипсиса элементов несоединимых, но так создаются новые типовые образцы, за которыми, возможно, будущее в развитии языка и его грамматической системы¹⁰.

⁸ Между тем с данной теоретической проблемой связана проблема методического характера, решить которую невозможно, но можно обосновать выбор в подобных «неэталонных» с точки зрения пунктуационного оформления случаях, мотивируя постановку/непостановку знака препинания.

⁹ Окказиональные преобразования сложного словосочетания в простое (прием симплификации) чрезвычайно распространены в живой речи, ср.: «Этим летом объехали все *околодачные* места» (из разг.). Направление и последовательность «свертывания» до бинарного, построенного по продуктивной модели N + Adj., следующие: *околодачные места* <– *места около дачи* <– *места, находящиеся около дачи*.

¹⁰ Ср. невозможные с точки зрения правил синтаксической сочетаемости, но активные в разговорной речи конструкции типа *Пришли мне на почитать* или *А что предложить для запить?*

⁷ В решении этого вопроса автор монографии опирается на теорию переходности В.В. Бабайцевой [1].

Тезис о производимости (или «свободности» в создании) новых (и неожиданных) словосочетаний N + Adj., а также их речевой продуктивности аргументируется результатом двухступенчатого эксперимента (глава 12): «То, что эти словосочетания не воспроизводятся, подобно фразеологизмам, доказывается тем, что среди реакций на всех этапах обеих серий эксперимента преобладают единичные и при этом мало высокочастотных реакций адъективом и еще меньше – субстантивом и что самые частотные реакции в обратном эксперименте чаще всего не совпадают со стимулами в прямом эксперименте» (с. 344).

Отметим одну особенность монографического исследования К.Я. Сигала – это подлинный диалог с предшественниками-единомышленниками. Одним из свидетельств принципиальной «диалогичности» книги может стать любопытный пример, иллюстрирующий тезис А.А. Леонтьева «слово есть его поиск». Фрагмент, на наш взгляд, необходимо воспроизвести полностью: «Мотивационные истоки свободного словосочетания обычно связывают с когнитивной неэлементарностью сообщения, с комплексированием мысли, с разными способами «понижения» предикативной актуальности смысловой информации. Это объясняется тем, что в своей речевой деятельности говорящий/пишущий обычно стремится не использовать минимальные реализации структурных схем предложений. [...] Тем не менее целесообразный характер словосочетания как речевой структуры, наоборот, может быть связан с недостатком предметно-практического и когнитивно-речевого опыта. Ср.: *Помню, как прихожане московского храма Святых страстотерпцев Бориса и Глеба в первый раз привезли в Оптину пустынь детей из специнтерната. Автобус запарковался на лужайке, где ципал травку теленок, и дети в изумлении бросились к нему: – Это кто – большая собака? Смотрите, собака, а травку ест. Она кусается? – Нет, не кусается. Это теленок* (Н. Павлова). В данном случае словосочетание не столько деактуализирует предикацию (ср.: *собака большая*), сколько оказывается ad hoc описанием предмета, подлинная категоризация и название которого неведомы говорящим.

По сути дела, словосочетание здесь безальтернативно, оно является негативным результатом операции поиска слова: ведь психолингвистически «слово есть его поиск» (с. 366–367).

Несколько слов о языковом своеобразии текста монографии, отражающего стиль научного мышления его автора. Математическая точность (без погрешностей) выражается не только в квантитативной интерпретации данных, но и в выборе термина/слова, в разнообразии и новизне сочетаний, раскрывающих сложное явление: *синтаксический генотип; семантическая калькуляция/аккомодация/итерация; семиотическое отчуждение; нестандартный семантико-синтаксический интерфейс* и т.д.

Кирилл Яковлевич Сигал представляет собой уникальное явление в современной русистике: традиционалист и новатор одновременно. Он не принадлежит ни к одному из современных направлений лингвистической мысли (без пристрастия к какому-либо из них), при этом обладает широким кругом *собеседников* (см. список литературы – 300 единиц), большая часть которых – единомышленники. К.Я. Сигала отличается любовное отношение к языку и к науке о языке, внимание к чужой исследовательской точке зрения (см. развернутое освещение имеющих в лингвистике взглядов на проблему словосочетания в первой главе).

Работа К.Я. Сигала убедительно доказывает тезис о том, что, исследуя такую синтаксическую единицу, как словосочетание, и «применив к этой области лингвистико-психологическое мышление, можно... делать изумительные и поразительные открытия» (А.А. Леонтьев; цит. по: К.Я. Сигал, с. 179). Одно существенное для лингвистики открытие в монографии уже сделано: открыта новая страница в исследовании словосочетания, шире – в исследовании синтаксиса русского языка и развитии грамматической мысли.

М.С. Милованова
MSMilovanova@pushkin.institute
д-р филол. наук, профессор
Государственного института русского
языка им. А.С. Пушкина
Москва, Россия

ЛИТЕРАТУРА

1. Бабайцева В.В. Теория переходности в грамматике русского языка. М., 2000.
2. Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 2009.
3. Сигал К.Я. Сочинительные конструкции в тексте: опыт теоретико-экспериментального исследования: (на материале простого предложения). М., 2004.
4. Сигал К.Я. Синтаксические этюды. М., 2006.
5. Сигал К.Я. Словосочетание как лингвистическая и психолингвистическая единица. М., 2010.

Критика и библиография

6. Сигал К.Я. Проблемы теории синтаксиса. М., 2012.
7. Цветаева М.И. Поэты с историей и поэты без истории // М.И. Цветаева. Собр. соч.: в 7 т. Т. 5. Кн. 2. М., 1994. litmir.me/br/?b=179766&p=20.
8. Щерба Л.В. О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании // Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974. philology.ru/linguistics1/shcherba-74a.htm.

References

1. Babajtseva V.V. Teoriya perekhodnosti v grammatike russkogo yazyka. M., 2000.
2. Benvenist E. Obshchaya lingvistika. M., 2009.
3. Sigal K.Ya. Sochinitel'nye konstrukcii v tekste: opyt teoretiko-eksperimental'nogo issledovaniya: (na materiale prostogo predlozheniya). M., 2004.
4. Sigal K.Ya. Sintaksicheskie etyudy. M., 2006.
5. Sigal K.Ya. Slovosochetanie kak lingvisticheskaya i psiholingvisticheskaya edinica. M., 2010.
6. Sigal K.Ya. Problemy teorii sintaksisa. M., 2012.
7. Tsvetaeva M.I. Poety s istoriej i poety bez istorii // M.I. Cvetaeva. Sobraenie sochinenij: v 7 t. Т. 5. Кн. 2. М., 1994. litmir.me/br/?b=179766&p=20.
8. Shcherba L.V. O troyakom aspekte yazykovyh yavlenij i ob eksperimente v yazykoznanii // Yazykovaya sistema i rechevaya deyatel'nost'. L., 1974. philology.ru/linguistics1/shcherba-74a.htm.

M.S. Milovanova
Pushkin State Russian Language Institute
Moscow, Russia

PHRASE THEORY: AN UPDATED TRADITION (a phrase in the aspect of psycholinguistic experiment)

Phrase, psycholinguistic experiment, metalanguage representations, speech generation process / utterance generation process, integrative concept.

Monograph by K.Ya. Sigal is devoted to comprehension and understanding of a phrase as a unit of language and speech – as a real linguistic and psycholinguistic unit. The author reconstructs in detail the «problem of phrase», his attention is attracted by traditionally debatable issues and new points that were not the subject of special consideration. The principal novelty of the research is the use of psycholinguistic experiment techniques to answer the question about the nature, genesis and pragmatic of the phrase.

ПОЗДРАВЛЯЕМ ПОЗДРАВЛЯЕМ ПОЗДРАВЛЯЕМ

Уважаемый Борис Иванович! Подбирая слова поздравлений, вспоминаю, как мы под Вашим руководством взбирались на синтаксическую гору: было порой трудно, непонятно, иногда страшно и немного обидно. Синтаксис казался необъятным и запутанным, а экзамен – глобальной проблемой в студенческой жизни.

Сегодня в работе и в научном поиске вопросы синтаксиса остаются немногим, что не пугает, но вызывает неподдельный интерес и помогает ответить на вопросы, которые задает жизнь. Ведь Вы как настоящий педагог и исследователь не только передавали нам свои знания, но и учили думать, самостоятельно шаг за шагом раскладывать сложные ситуации на составляющие.

*С глубочайшим уважением, признательностью за труд, искренними пожеланиями
доброго здоровья и благополучия
ваша студентка Труханова Дарья*